

Великий Новгород, 1999 год

Ржавая карусель со скрипом сдвинулась. Двор с пышными лиственными кронами, все еще непривычными, неохотно поехал вправо. Витя слабо улыбнулся. Еще раз оттолкнулся худющей ногой и подтянул ее на шаткое сиденье. К Вите редко обращаются по имени. Папа зовет его Котом, потому что сын любит гулять сам по себе. Для мамы Витя — золотой мальчик. Она так и говорит: «Ты мое золотко! Других таких нет». Витя запрокинул блондинистую голову и сощурился. Какие высокие деревья! Листья клена, тополя и дуба, пропуская солнечные лучи, складываются в узор, будто в калейдоскопе. Сонливо. Витя закрыл глаза, а калейдоскоп никуда не делся: помутнел, потемнел, но Витя все еще видит расплывчатые пятна.

Не разлепляя век, он ощутил чье-то присутствие. Что-то неуловимое, может, тень проползла

по лицу. Наконец раздался гнусавый голосишко. Это соседский пацан Игнатик: на шее шнурок, на шнурке — малюсенькое оловянное распятие. Витя мельком взглянул на крест, кивнул, будто поздоровался не с Игнатом, но с Иисусом. Нащупал на собственной впалой груди неправильную горошину. Золотая цепочка приятно липла к влажной коже. Горошина, если смотреть на нее долго, становится похожа на маленькую голову медведя, и это лучше, чем крест. Витя снова закрыл глаза. Еще не хватало дружить с малышкой.

Раньше они жили далеко отсюда, в поселке Штормовой, что в шестистах километрах от Магадана, а по ощущению — в другой стране. Там не было ни одной церкви. Витя только представлял себе по рассказам взрослых, как выглядит этот чуть ли не диснеевский замок, где внутри все в золоте. Потом, конечно, он увидел церковь по телевизору, в программе, которую вел митрополит. Но она шла в выходной день вместо мультиков, поэтому Витя ополчился на все церкви, вместе взятые, и, хоть на обряд крещения все-таки согласился, крестик принципиально не носил.

В Штормовом березы были жиденькими и низкими, камни пестрели мхами и лишайниками. Зато на горизонте голубели сопки, словно сделанные из полупрозрачного стекла. Там Витя рос крепким и здоровым мальчишкой. У него были настоящие друзья. С ними он носился целыми днями, играл в лапту, футбол или в слона. А иногда бродил один и подчинялся не направлениям

улиц, а разветвлениям теплых подземных жил, которые чуял сквозь сырые почвы. Его блуждания были как будто бесцельны и выглядели, конечно, странно. Особенно когда он наткнулся на какой-нибудь забор или едва не попадал под рыбацкие мотоциклы. Но никто не смел посмеяться над ним, все как будто знали: подземное жильное тепло отдает ему столько сил, что он, например, может забить в чужие ворота по десять мячей за игру.

А здесь, среди пятиэтажек, пусть не тесно, но все же рядом стоявших на черной земле, Витя стал стремительно терять энергию. Теперь он тощий и бледный, не может сделать хорошую передачу, отбить на воротах мяч или удержать на своей спине приятеля, когда вся компания бесится, выиграв у соседнего микрорайона. В новом городе и в новом дворе Витя сразу стал изгоем. От таких все, кроме тщедушных Игнатилов, предпочитают держаться подальше. Мысленно Витя продолжал бродить по Штормовому. Он знал, что мама так уже не может, несмотря на то, что взрослая. Всего полгода прошло, а некоторые дома, как она говорит, заволакиваются в памяти туманом. У Вити же все отчетливо. Вот он закрывает глаза и оказывается на ступеньках клуба, где когда-то выступал учитель географии, оказавшийся фокусником. Вот он идет из дома к школе. В реальности путь занимал десять минут, но в воображении Витя, легконогий, как античный бог Меркурий, оказывается перед школьным крыльцом за половину секунды. Но в класс не поднимается, сворачивает к столовой, откуда

вкусно пахнет куриными котлетами, а в окне узорный витраж, его из осколков пивных бутылок собрал учитель рисования. От столовой мимо густых палисадников, мимо одноэтажного магазинчика с вывеской больше его самого «Товары повседневного спроса». Мимо полуразрушенных двухэтажек, мимо сгоревшей пожарной части, у которой нехорошая слава, мимо крашеного стенда с объявлениями Витя поднимается на сопку, усыпанную голубикой, брусникой и шиповником.

Здесь кладбище. Перед входом скамейка и старая школьная парта. На ней остатки яичной скорлупы. Две коренастые сосны давно выросли из чьих-то старых могил. Ржавые оградки частично затянуты сосновой плотью. Дальше неинтересно: маленькие трухлявые кресты со следами от гвоздей. Витя идет в мертвый детский сад. Так взрослые называли правую сторону кладбища, где хоронят детей. Маленькие металлические памятники, словно весы в продуктовом магазине. На них похожие друг на друга портреты и примеры по математике на вычитание — так Витя называл годы рождения и смерти. Ответ там всегда получался от одного до пяти. Как будто был какой-то определенный порог: если перешагнул за пять лет, все, можно не бояться, детопожиратель прошел мимо.

Если смотреть на поселок сверху, он, окруженный сопками, будто лежит в чьей-то большой ладони. Даже ветра здесь никогда не бывает.

...Карусель качнулась. Витя не сразу понял, что произошло. Ему на грудь будто поставили

приятный горчичник. С раннего детства знакомое, но позабытое чувство. Под ребрами растет и чешется, будто подсолнух поворачивается к солнцу — к источнику энергии. Витя спрыгнул с простонавшей карусели и быстро зашагал со двора. Под ногами хрустели, как попкорн, сухие веточки с тополиным пухом.

В Штормовом, где Витя родился и жил двенадцать лет, этот зуд в груди случался часто. Особенно после того, как о нем узнали взрослые. Папа смотрел голубыми своими пластмассками и спрашивал ласково: «Где тебе хорошо?» — а потом добавлял: «Туда и иди». И сын шел в такт биению сердца и неизбежно приводил отца к ручью, на дне которого было полно золотых крупинок, оседавших в лотке.

Сопливый Игнат с его оловянным Иисусом остались позади. Впереди светилась на солнце желтая пятиэтажка. У крайнего подъезда нутро Вити совсем затомилось, и он встал, загипнотизированный. Горошина на золотой цепочке разгоралась лампадкой. Витя задрал голову и сощурился на железную бордовую лестницу, приваренную к стене. Откуда-то взялись силы. Он подпрыгнул на тоненьких ножках и ухватился за нижнюю перекладину, неожиданно легко подтянул тело. Левая рука, правая рука, левая нога, правая нога. К ладоням липли злые крошки облупившейся краски. Лестницу немного вело, порывами налетал ветер, надувая парусом футболку на спине. Но из-за прилива радости Витя ни на что не обращал внимания.

Источник теплой тяги становился все ближе. Наконец разогретое нутро заклокотало, и мальчик замер на высоте пятого этажа между большим окном и незастекленной лоджией. Он не успел подумывать, что дальше, его потянуло направо, кольнуло страхом внизу живота, когда он переступил с перекладки на перила, и ровно в этот момент далеко внизу проехал автомобиль. В следующую секунду Витя уже сидел на цементном полу узкого балкончика рядом с пластмассовым столиком, на котором веяло пеплом блюдце, переполненное окурками. Теперь страх отпустил.

Витя поднялся на ноги и, составив ладони ковшиком, заглянул в квартиру. Большущая гостиная, совсем не похожая ни на одну комнату, где бывал Витя. Розовые стены, кое-где расписанные иероглифами, местами увешанные изображениями луноликих девиц с запятыми на месте глаз. На полу белоснежный ковер с кудряшками. Прямо на нем стоит плоский телевизор раз в пять больше, чем у них дома, отражающий косую штору и физиономию Вити, прилипшего к оконному стеклу. Рядом навороченный магнитофон, на нем видеокамера. Тут же высокие, наверное, с Витю ростом, серебристые колонки с черными сетчатыми блюдами, на каждой по норковой шапке, будто свернувшиеся калачиком кошки. Послышались шаги, и Витя поспешно присел. Суетливые, приглушенные, кишачие матом голоса. В гостиной ухнули, как бывает, когда поднимаешь тяжелое. И голоса стали удаляться, будто их поглотил ворс ковра.

Витя выглянул и тут же понял, зачем он здесь. Балконная дверь была приоткрыта.

Бесшумно вошел, стараясь не наступать на ковер. Хозяева, наверное, и сами не позволяют себе ходить по нему даже в тапках, что уж говорить про уличную обувь. За вмятиной, которую оставила модная плазма, переливалась приятными желтыми бликами хрустальная чаша. Едва не запнувшись о резные красные кувшинчики, Витя быстро заправил футболку в шорты и до боли затянул пояс шнурком. Оттопырил трикотажное горло, подцепил золотую горсть. Цепочки, перстни, браслеты. Все полетело за пазуху, обдавая кожу холодными поцелуями. Подальше от грабителей! Снова голоса. Кажется, их двое. Видимо, соседи по лестничной клетке решили пожить за счет богатеньких простофиль. Ну ничего, если повезет, ворышки подумают друг на друга.

Сокровища под футболкой придавали сил. Витя чувствовал себя так, будто он проспал сутки, проснулся от голода, позавтракал не слишком плотно, но достаточно, чтобы двигаться легко и не ощущать во рту привкус еды. Юркнул на балкон, дотянулся до лестницы. Правая нога, левая нога, правая рука, левая рука. Ветер был ласковым и поощрительно трепал Витю за волосы, воздух казался таким густым, что, разомкни он пальцы, оттолкнись от шершавых перекладин, ничего страшного не случилось бы. Левая, правая, левая, правая...

Витин отец держал ларек. Пиво, сигареты, чипсы, жвачка, мороженое и китайские безделушки.

Он как раз проводил ревизию, когда сын ворвался в раскаленную металлическую будку и всем своим сияющим видом дал знать, что им надо поговорить наедине. Витя не боялся быть пойманным, просто понимал, что оставить сокровища дома он не сможет, вот бы их спрятать куда-нибудь, а в этом деле лучше отца помощника нет. Папа смерил Витю взглядом, впрочем, не задерживаясь на собравшейся буграми у пояса футболке.

— Таня, иди погуляй, мне Кота повоспитывать надо, — деловито сказал отец молодой пухлой продавщице.

— Я сбегая домой пообедать тогда, Анатолий Григорьевич, — кивнула с явным облегчением и выскочила за грязноватый тюль прочь от ревизии.

— Хорошая девчонка, но задрала уже кассу таскать. — Отец еще раз посмотрел на таблицу в тетрадке, вздохнул и поместил ее на небольшой самодельный столик. — Рассказывай!

Витя нагнулся над столиком, с ликованием отличника или победителя соревнования дернул футболку вверх. На тетрадку стекли, как змеи, золотые цепи, в них запутались перстни, сережки, массивный браслет. Отец присвистнул, подскочил к выходу, закрыл распахнутую настежь фанерную дверь, прищемив тюль. Мгновенно стало нечем дышать.

— Откуда? — просто спросил отец.

— Я стянул у грабителей, которые выносили вещи из чужой квартиры.

— Кот, едрить твою налево! — Отец схватил самый крупный перстень, повертел его в пальцах. — Тебя видели?

Витя пожал плечами, не отводя глаз от добычи. В тусклом свете из заставленного товарами окна золото выглядело сказочным сокровищем. Вернись сейчас продавщица в киоск, она бы обалдела. Отец выудил из-под столика тряпку и принялся пеленать украшения так, чтобы они не соприкасались. Витя с досадой подумал, что они уже могли поцарапаться у него за пазухой. От этой мысли приуныл и ссутулился.

— Что за квартира? — спросил отец, не глядя на сына.

— Не знаю, но богатая. Там техника всякая...

Отец то ли вздохнул, то ли застонал.

— Пап, это торчки обнесли соседей наверняка. Они бы толкнули за бесценок, спустили бы все на...

— Как ты проник в эту квартиру? — перебил отец, убирая сверток в пустой блок от сигарет.

— По пожарной лестнице. — Витя опустил взгляд на тетрадку, где только что лежало золото. — Хотел как лучше. Мы же можем вернуть хозяевам?

— Да кто нам теперь поверит? Остальное тоже с нас спросят.

Отец осторожно прошел между коробками и распахнул дверь. В будку ворвались тюлевая шторка и свежий ветер. Жара спала.

Золото исполняет желания! Вот Витя мечтал о приключениях на каникулах, и теперь они начались. Мама уже собирает их с отцом в большое путешествие. Скручивает глаженные футболки, заправляет друг в друга носки, в отдельный пакет укладывает трусы. Папа ходит по квартире с кипой бумаг и все бубнит себе под нос, точно актер, повторяющий роль. Витю от сборов отстранили, поэтому он сам похозяйничал на кухне: высыпал остатки «Несквика» в тарелку, залил молоком; затем устроился в спальне прямо на родительской кровати. Такие завтраки ему выпадали разве что первого января, когда можно делать примерно все, потому что родителям не до Вити. А сейчас они о чем-то спорили. Возможно, даже ругались, потому что папа обращался к маме по имени: «Сильва, ты не понимаешь!» Ну и дальше что-то шипящее. Хуже могло быть только, если бы он перешел на имя-отчество. Если в доме раздается «Сильва Александровна», значит, сейчас кто-то из родителей попросит Витю погулять или хотя бы сделать погромче телевизор.

Витя догадался, что лучше не ждать распоряжения, и сам прибавил звук. По телевизору показывали российского президента с американским. Российский приплясывал, выглядел счастливее нероссийского и внушал Вите доверие. Витя улыбнулся, мол, танцуй-танцуй, и отправил в рот ложку американского сухого завтрака. Скоро в спальню вошли родители и объявили, что пора ехать.

Витя, конечно, хотел спросить про золото, берут ли они его с собой или вернут ограбленным

соседям. Но мама выглядела такой расстроенной, что мальчик решил не лезть. Она поцеловала его мокрым ртом в глаза и лоб, улыбнулась половиной лица и переключилась на отца. Тот, кажется, успокоился, глаза его были как ровное море.

— Пацана не будут шмонать, милая. — Он заключил маму в объятия.

Вите тоже захотелось в эти объятия, но он посчитал себя взрослым для таких нежностей.

В отцовской серебристо-серой тойоте, похожей на небольшого кита, пахло едой. У мальчика в ногах стояла хозяйственная сумка, собранная мамой. Внутри ароматный сервелат, четыре маленьких, но приятно увесистых кирпичика ржаного хлеба, еще теплые пирожки с ливером, упаковка приторного маслянистого печенья, коробка яблочного сока, две железные кружки и термос с чаем. Еще не выехали со своей улицы, а уже захотелось слопать пирожок. Холодные с застывшим жирком есть невозможно.

Витя смотрел в окно. Встает и щурится солнце, облака похожи на персиковый сок с мякотью. Все крыши яркие, поперек асфальта ложатся длинные синие тени. Незолотые купола в этом свете как будто золотые. Так и не полюбившийся город впервые показался Вите красивым, будто специально нарявился проводить.

Надо сказать, что и Витя выглядел не обычно. Конечно, причиной были новые ботинки на высокой рубчатой подошве. Стоили они целое

состояние. Не потому, что папа много заплатил за них то ли в рокерском, то ли панковском московском магазинчике, а потому, что ночью спилил мощные платформы и набил их нутро расфасованным в пакетики золотым песком, зашил капроновой нитью и прошелся контрольно щеткой с обувным кремом в цвет ботинок — темный шоколад. В общем, с такой обувью не надеть спортивки или шорты. Хотя в джинсах жарковато.

— Ну что, Кот, по пирожку? — Папа заговорщически покосился на Витю.

— Давай! — радостно согласился Витя и полез в теплынь сумки.

— Холодные они невкусные, — со знанием дела заявил отец и требовательно протянул руку, оторвав от руля.

Витя вложил в раскрытую ладонь сначала салфетку в красный горошек, а уже сверху, точно в колыбельку, румяный пирожок. Папа ел быстро, набивая рот и причмокивая, Витя растягивал удовольствие, посасывая маленькие кусочки, как ириски. К тому же он очень не любил, когда после сухомятки на него нападает икота. Вот начини он сейчас икать, отец сначала бы молчал долго-долго, будто ему нет дела до сына, а потом крикнул бы что-то резкое и схватил Витю за плечо, мог даже внезапно притормозить, если сзади нет машин. Витя, конечно, испугался бы и перестал икать. Или другой способ: набрать побольше воздуха в легкие и не дышать. Витя так ярко это себе представил, что машинально сделал

глубокий вдох и задержал дыхание. Пространство вокруг как будто изменилось. Машина теперь ехала медленнее, облака на небе шевелились и превращались в разных животных. Витя даже приник к окну, чтобы рассмотреть горбатого воздушного мамонта.

— Не укачало тебя? — Папа прошелся салфеткой по рулю и затолкнул комок в карман двери.

— Нет! — на выдохе ответил Витя. — Да вон облако на мамонта похоже.

— А где бивни? — Папа, немного пригнувшись, исподлобья взгляделся в небо и заулыбался каким-то своим мыслям. — Контрабандисты спилили и продали, наверное.

Поскольку Витя уже не боялся икоты и спокойно дышал, машина снова набрала скорость, и белоснежный мамонт снова стал облаком.

— А чем его пилить?

— Да ножовкой по металлу. Ты не помнишь?

— Что?

— Ну, бивень! — Папа приставил кулак к носу и оттопырил указательный палец. — Ты мелкий был, парни-горняки нашли, сначала подумали, что бревно разливом воды вынесло. А когда поняли, решили никуда не заявлять, а то найдутся сразу желающие или на лапу получить, или прииск закрыть на полгода. Потом мы эту древность приволокли домой, стали пилить, вонища была страшная. Одного из парней, кстати, чуть не посадили за... — папа выдержал паузу и повысил тон: — контрабанду исторического наследия.

Тут Витя вспомнил своего друга из Штормового — якута Ухханчика. При первой встрече, это было еще до школы, Витя не сразу понял, что это мальчик. В кухлянке, отделанной яркой тесьмой, в платке, повязанном на голове в несколько слоев, со щеками цвета брусники, он был похож на якутскую версию матрешки. Скинешь с него мех, а там еще один такой пупс. Родители Уххана приезжали в Штормовой каждую осень навестить бабушку Феодору, бывшую библиотекарьшу, и заработать на мужиках, что возвращаются с вахты по домам. Мама ворчала, бабушка этим торговцам нужна, только чтобы у них ночевать, мол, тоже мне родственники, не могут приехать летом и построить теплицу. Работа их была такая: папа Уххана выносил на улицу стол из поселковой библиотеки, мама Уххана стелила на него покрывало и раскладывала кольца, серьги, цепи, браслеты, подвески. Все из теплого, приятного для Вити золота. А самого Ухханчика отправляли к общежитию крикнуть вахтовикам, что приехали якуты с ювелиркой. Все работяги без исключения подтягивались к столу и обменивали часть зарплаты на подарки женам, невестам, дочерям.

Мама Ухханчика ловко пересчитывала коричневыми пальцами деньги вахтовиков и вручала им подарочные мешочки, широко улыбалась ярким ягодным ртом. Если покупатель был щедрым, он получал еще и подарок: собачек или олешек, вырезанных из кости. Папа Ухханчика был умелый резчик, про него поговаривали, что он незаконно

скупает мамонтовые бивни. Когда подваливали оптовики, папа Ухханчика сидел рядом с товаром и выглядел грозно, наверное, чтобы никто из мужиков не вздумал любезничать с его ягодкой-женой. Для устрашения или от нечего делать он возился с волчьими шкурами или точил нож, ручка которого, пожелтелая, украшенная жутковатыми рожами, наверняка была сделана из бивня мамонта. Ухханчик тоже учился резьбе, правда, отец из материала доверял ему пока только коровьи кости. Витю Ухханчик прозвал Алтын. Сначала Витя противился, но потом узнал, что это слово значит «золотой». И в благодарность подарил Ухханчику небольшой самородок, напоминающий спящего щенка.

Интересно, похож ли тот мамонт, бивень которого пилил отец, на мамонтенка Диму — все дети Штормового знали, что мультик придумали как раз после того, как старатели нашли хорошо сохранившуюся мумию мамонта близ ручья Дима, — а вдруг это вообще была его мама, — и что стало с мужиками, и где папина часть бивня... а может, он ее отцу Ухханчика продал? Хотелось расспросить папу, но он вдруг посерьезнел, будто капитан пиратов, погруженный в планы будущих приключений.

Под вечер они оказались в какой-то деревне. Проехали по разбитому асфальту мимо странной церквушки: от обычного коровника ее отличал только куполок на ножке, торчавший из крыши точно

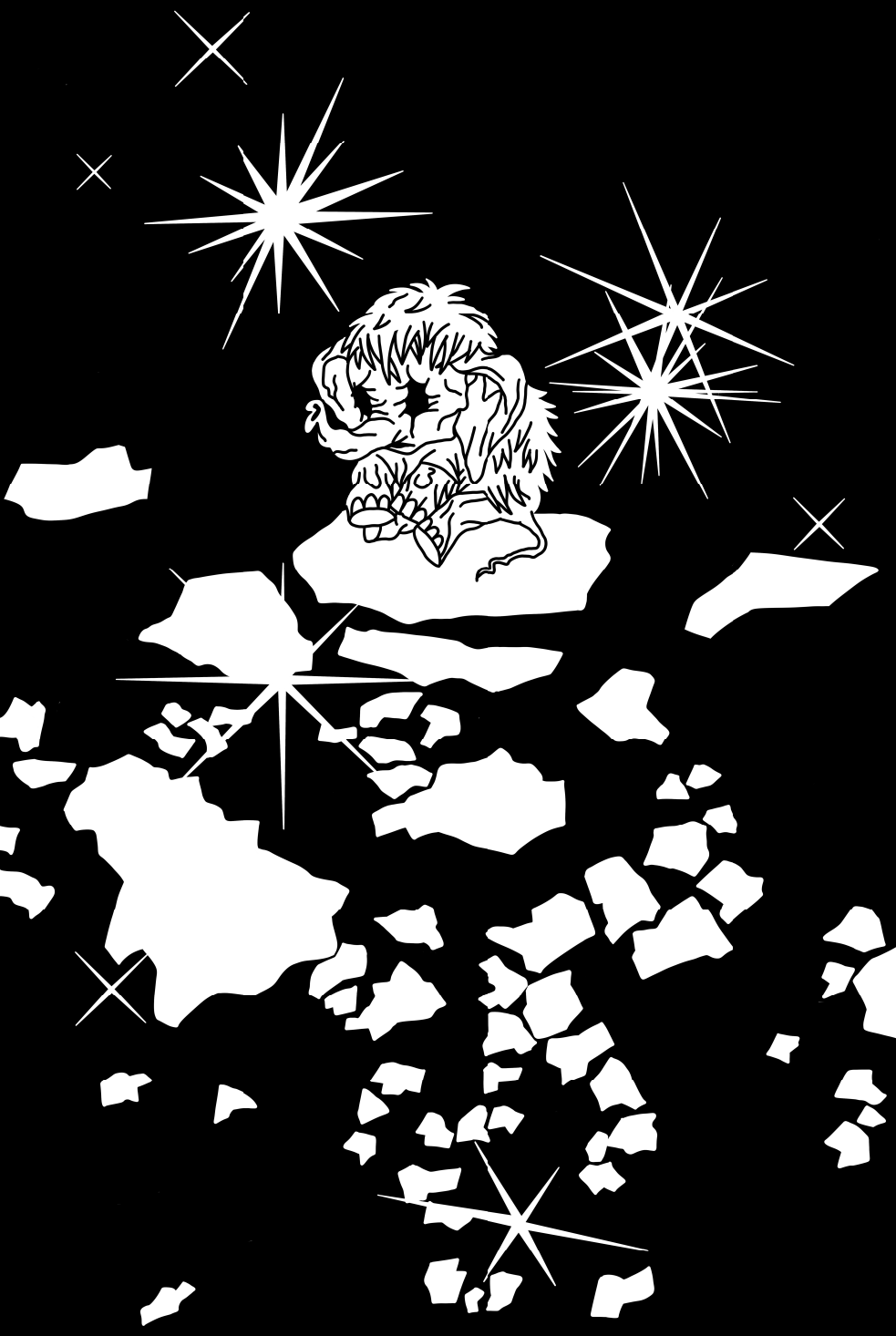
опенок. Миновали ряд аккуратных бело-красных кирпичных домиков. Папа сказал, что они переночуют у дяди Леши: «Помнишь, брат мой двоюродный?» А утром пройдут границу, встретятся с литовцами, старыми папиными друзьями, вместе отправятся в институт сплавов... Там надо будет подождать экспертизу. А уже потом им дадут доллары за сокровища, которые хранятся у Вити в ботинках. Витя проговаривал этот план у себя в голове так, как если бы он сам его и придумал.

Дом дяди Леши тоже был кирпичный. Только не нарядный, а серо-бежевого застиранного цвета. Над деревянным низким забором, покосившимся вправо, тускло желтели маленькие окна, в одном была видна трехрогая люстра с мутными плафонами. Должно быть, дядя увидел машину и потому так быстро выскочил. Гостям он обрадовался. Раскинул длинные руки для объятий и стал один в один огородное пугало за его спиной. Витя засмеялся от такого сходства и ускользнул от дядькиной ласки. Мужики орали и хлопали друг друга по плечам. Дядькина шевелюра казалась париком, сделанным из папиных волос.

— Платошины! — Папин брат переключился на Витю. — Здорово, бандит!

— Какой же это бандит? Здравствуйте, молодой человек! — Откуда-то появилась — или она давно тут стояла? — женщина в огромной фуфайке и калошах на босу ногу.

— Здравствуйте, — Витя кивнул незнакомке и подал руку дяде для пожатия.

— О, крепкая рука, мужи-ы-ык! — Дядька ослабился, обнажив во рту золотую коронку. — Ну, проходите.

Хозяин затопал первым, Витя с папой за ним, а женщина замешкалась, закрыла калитку за гостями. Пугало вблизи оказалось не таким уж похожим на дядю Лешу. На нем был женский наряд. Блестящая сиреневая кофта, синяя плиссированная юбка, шляпа натянута на изображающий голову мешок и полями касается места, которое у человека считалось бы грудью. Там, словно гирлянда, болтались разноцветные бусы.

На участке перед домом в косо сколоченном вольере томились три жирные свиньи, похожие на бегемотов. Рядом с их тушами валялись опрокинутые кастрюли и ведра.

— У тебя тут свиноферма! — удивился отец.

— Поневоле, — устало вздохнула женщина.

— Ха, ты не поверишь! — дядя Леша сделался еще более радостным, чем когда приветствовал гостей. — Здесь неподалеку перевернулась фура со свиньями. Этих красоток удалось во двор загнать. Пока еще ничего не приспособили для них. Ну да дело наживное.

— На охоту ходишь? — поинтересовался отец, не сводя глаз с бегемотиц.

— Нет, — отрезал дядя Леша, посерьезнел и поспешил к крыльцу.

Тут Витя кое-что припомнил про своего родственника. Какие-то обрывки взрослых разговоров. Почему дядя Леша живет в такой глухомани?

В Штормовом говорили про него: изгой, в семье не без уроды, натворил дел и прятался в разрушенной пожарке. А отец его как бы защищал: охотился, сидел в засаде долго, наверное, выпил, что угодно могло померещиться, Колыма — место мистическое, с кем не бывает, несчастный случай. Больше вспомнить не удалось, но на всякий случай Витя решил быть с дядькой настороже.

Обстановка дома оказалась непривычно бедной: на стенах неровная побелка, на потолке, как водоросли, шевелится паутина, на окнах серо-желтые занавески, на полу поперек черных щелей кое-где расстелены худые дорожки. Старый телевизор, старая мебель. Вите захотелось домой в свою комнату.

— Можете не разуваться, — на радость Вите буркнул дядя.

Женщина покосилась укоризненно, отец и дядя Леша сразу скинули обувь. Витя решил не рисковать сокровищами и остался в ботинках.

— А я ж вас не познакомил! — крикнул дядя Леша, будто только что вспомнил о правилах этикета. — Жинка моя, Соня! Соня, а это брат мой Толян, малой — Витек!

— Очень приятно, — вежливо, как учила мама, сказал Витя, стараясь компенсировать этой вежливостью то, что не снял обувь.

Соня улыбнулась, показав ровные зубы цвета магазинного сливочного масла. Все прошли на кухню. В углу висела прокопченная икона, на которой проступал покатым контур Богоматери

с едва различимым младенцем. Полки на стене заставлены цветастой посудой и жестяными банками из-под кофе. В центре круглый стол, застеленный потертой клеенкой.

— Жинка, а сваргань нам к столу чего-нибудь вкусного! — Дядя Леша уже кланялся открытому холодильнику, обклеенному мраморной пленкой. — А мы пока крамбамбули дерябнем с какой-нибудь закусью.

Витя задумался, как обращаться к дядькиной жинке — Соня или тетя Соня. Решил пока, как говорит отец, не отсвечивать. Уселся на скамью, похожую на те, что стоят в парках. Посмотрел вверх. Потолок деревянный, будто ворсистый, из-под разводов белой краски в один слой проглядывало коричневое. На толстой пружине качался цветастый плафон, похожий на подол сарафана. Дядя Леша потянул его вниз, и стол залило, словно лучом прожектора.

— Жинка меня балует. — Дядя Леша развернул газетный сверток, достал две пухлые колбаски: темно-красную и серую. — Все свое, домашнее, пацан-то и не пробовал, наверное, вантрабянку нашу и пальцем пханку.

— Да это та же ливерка, — папа ухмылялся, задирая брата.

— Ну, не скажи, — неожиданно вставила Соня, снимая фуфайку и вешая ее на крючок в стене.

— О, мои поздравления молодым! — воскликнул папа, пялясь на обтянутый халатом на молнии живот, в котором будто прятался футбольный мяч.

— Спасибо. — Соня подставила щеку для поцелуя просиявшему мужу и положила руку под живот.

А может, баскетбольный...

Дядя Леша клюнул жену в подбородок и разлил напиток с веселым названием в две рюмки.

— Жахнем!

— За вас! — папа выдохнул, сделал губы квадратными и опрокинул рюмку в себя.

Оба зарычали, будто обожглись, зачавкали красными и серыми ломтиками. Папа крутанул на столе недорезанную баранку ливерки, посмотрел на Витю: будешь? Витя состроил гримасу: не буду.

— Леша, пойдем, поможешь мне из подпола достать кастрюлю!

Соня встала руки в боки, как пузатая сахарница. Дядя Леша жену не слушал и уже разливал новую порцию медной жидкости. Соня громыхнула ящиком с приборами, выудила оттуда половник и ткнула им дядю, как указкой.

— Леш, мне нельзя тяжелое поднимать.

— Ща, — дядя Леша повел плечом, точно отгонял назойливую муху.

Соня медленно вышла из кухни и крикнула уже из другой комнаты, мол, сколько можно ждать. Витя привык помогать маме, поэтому, не дожидаясь нового крика, молча прошел в спальню или гостевую — непонятно. Перешагнул через свернутый половик, ухватился за черное металлическое кольцо и с дощатым скрипом открыл люк. Подпол в половину

Витинога роста был заполнен пыльными банками, в которых кое-где просматривались не то помидоры, не то моченые яблоки. Он сел на корточки и потянул двумя руками чугунную кастрюлю, на которую указала хозяйка. Воздух в погребе был густой и прохладный. Витя расшатал кастрюлю, выволок и, выжав вес, поставил ее в ноги Соне.

— Я теперь сама, спасибо, — сказала дядь-Лешина жена тоном, будто это Витя отказался дальше ей помогать.

— Если что, мне не сложно...

Соня уже не слушала, наклонилась (камушки на золотых висюльках в ушах нервно качнулись), охнула, выпрямилась, развернулась. Витя опустил люк на место, расправил половик. Он почти нагнал Соню, и вдруг она завизжала и уронила кастрюлю. Содержимое — густой мясной холодец — шмякнулось на пол. Аккурат рядом с ухом хозяйки пролетел ножик, ударился в стену и упал вместе с сухой чешуей отбившейся штукатурки.

Тетя Соня продолжала голосить, свиньи во дворе завизжали группой поддержки. Дядя Леша снова был сосредоточен: разливал из бутылки. А папка подскочил к Соне, чудом не пострадавшей, быстро заглянул ей в глаза, накрыл лапой плечо, сразу ставшее каким-то детским, легонько потряс.

— Сонька, прости нас, дураков, это я виноват.

Витя подумал, что это чистая правда. Это папина игра, он любит метать ножи, а еще больше дразнить других, чтобы тоже попробовали.

Конечно, никто и близко не подходил к папиному результату. Внезапно Соня разревелась.

— Я к маме! — сквозь слезы крикнула она и выскочила из кухни, перешагнув через бурую мазню на полу.

Папа стянул с крючка фуфайку и побежал за Соней. Витя, чтобы не оставаться наедине с дядей, тоже рванул из дома. Сел на крыльце и стал рассматривать двор. Между двумя вишнями натянута веревка, на ней, как флажки, цветастые трусы и полотенца, каждую придерживает блеклая прищепка. Если сощуриться, кажется, маленькие птички доставляют семейники, а над ними кружат вороны, но не осмеливаются напасть из-за разряженного пугала. Недалеко от забора темнел водяной насос, похожий на чугунный заварочный чайник. Рядом собачья будка. Витя насторожился, взгляделся, возле будки серебристой змеей лежит крупная цепь. А пес неизвестно где.

— Ты чего здесь? Пошли в дом, — весело сказал отец, вернувшийся без Сони.

— Сейчас, — ответил Витя, хотя приходить ему совсем не хотелось.

— Куда она усакала? — послышался голос дяди за спиной.

Витя вскочил на ноги. Дядя Леша зыркал на папу как-то зло, нехорошо.

— Она же сказала, к матери, ну я и проводил, — просто ответил папа.

— Ну да, ты у нас как всегда, — дядя Леша скривился и посмотрел на свиней. — Жрать охота!

Витя думал о том же. А мама наверняка сейчас готовит что-то пахучее, щекочущее ноздри, обдающее теплом и удовольствием.

— Есть тут семейка одна — Идиоткиных, — дядя Леша скорчил гримасу. — Собаку еще не завели, а сами вечно шастают по гостям. Погнали выкопаем у них картофан?

— Да ладно, что мы, малолетки какие — через забор лазать, — воспротивился отец, но по тону его Витя понял, что они все-таки пойдут к соседям.

— Ну или к Идиоткиным, — снова сморщился дядя Леша, — или давай свинью резать.

Папа засмеялся, и дядя Леша тоже. И вот эту его улыбку, как будто все еще злую, Витя вдруг вспомнил. Его, папиного брата, школьного физрука, хотели посадить за убийство, а он точно так же щерился и говорил, что не виноват. На охоте пристрелил подростка, своего ученика, потому что принял того за дикого козла.

Хозяин дома подхватил опрокинутое свиньями ведро и важно пошел со двора. Папа положил на Витины плечи свою ручищу, типа обнял, и вместе они последовали за дядей Лешей на «дело». Семья Идиоткиных, как понял Витя из дядь-Лешиной пьяной характеристики, с таким же успехом могла быть семьей Болвановых, Дураковых или Никчемкиных.

Уже стемнело. Безлюдная улица зудела сверчками. Кое-где тускло светили синеватые фонари и делали листву слоистой, то прозрачно-черной, то серебряной. Три тени из-под ног шагающих

скользили в сторону бревенчатого терема, обнесенного высоким забором из могучей плахи.

Дядя Леша отступил, с вызовом глянул на препятствие и, к удивлению Вити, с легкостью пацана рванул, напрыгнул на забор. Ногой оттолкнулся от почтового ящика и исчез в темноте. Собаку беспечные соседи и правда не завели. Папа заозирался по сторонам, Витя подумал, что надо попробовать тоже прыгнуть. Приятная теплота вдруг проснулась в груди и потянула к терему вслед за дядькой. С той стороны забора слышалась возня, лязгнула щеколда и калитка отворилась. Витя скользнул во двор и устремился к окнам, от которых исходил тыквенный свет. Так Идиоткины дома! Отец как будто почувствовал, что с Витей неладно.

— Кот! — отец голосом, будто назвал кодовое слово, одернул сына.

Витя предусмотрительно решил держаться от окон подальше. В конце концов, он может контролировать этот зов, да здесь и не такая сильная тяга, как в той квартире на пятом этаже. К тому же приятная тяжесть в подошвах его успокаивала.

— Пс-с, Толян! — прозвучало из-за папиной спины. — Держи лопату.

Папа схватил черенок и направился к молодым кустам картошки. Лопата с шорохом вошла в мягкую землю, потом еще раз — и по дну ведра застучали клубни. Дядя постоял с минуту и шагнул навстречу племяннику. В тусклом свете от зашторенного окна его лицо напоминало шаманскую маску, какая висела у старухи-библиотекарши

в Штормовом. Деревянный острый нос и две черных прорези на месте глаз.

— За мной, пацан, — приказал шаман.

Он откуда-то раздобыл смешной фонарь, похожий не то на старинную кинокамеру, не то на утюг. Щелкнул переключателем, и постройку обдало слабым белесым светом. У сарайки, больше похожей на строительную будку, стоял велосипед. Витя распознал его по слабому отблеску на руле.

— Держи фонарь, но не поднимай высоко, пусть в землю бьет, — дал указания дядя Леша и распахнул сарайку.

На перекладине, которую соседи соорудили из сучковатой ветки, спали курицы. Витя направил луч в пол, усыпанный опилками. Дядя Леша действовал быстро, схватил сонную птицу за шею, выскочил с ней из курятника и принялся ее скручивать, точно мокрое полотенце. Витя подумал было, что это какой-то прикол, сейчас отпустит курицу, и она пойдет как пьяная, а дядя пошутит, что вот, мол, у Идиоткиных и курица идиотка. Но дядя Леша не планировал розыгрыша, он посуровел весь, ну точно шаман, и рванул руки в стороны. В одной осталась голова, в другой перебирающая лапами тушка. Вите мгновенно стало плохо.

— Ты как, нормально? — спросил дядя Леша, уже не так зло, будто курица приняла на себя весь его гнев.

Витя кивнул. Соврал. Ему было нехорошо. Невыносимо тянуло к терему. Горошина на груди жгла кожу.